

Annotation

Знаменитый русский историк, ректор Московского университета (1871–1877), академик Петербургской АН (с 1872 г.). Основатель яркой литературной династии, к представителям которой следует отнести его детей: Всеволода, Владимира, Михаила и Поликсену (псевдоним — Allegro), а также внука Сергея.

-
- [С. М. Соловьев](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)

- [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
-

С. М. Соловьев
ШЛЁЦЕР И АНТИИСТОРИЧЕСКОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ [\[1\]](#)

Задолго еще до Шлёцера начались исследования об иноке Киево-Печерского монастыря Несторе, как первом русском летописце, о времени и обстоятельствах его жизни, о сочинениях его, о значении его летописи. Этими исследованиями — исследованиями Татищева, Мюллера — Шлёцер пользовался; подобно предшественникам своим, он признал несомненным существование Нестора, первого русского летописца, в XI веке. Но в этом вопросе Шлёцер впервые взглянул на явление собственно исторически, начал рассматривать явление летописца не отдельно, как это делалось прежде, а в связи с современным состоянием русского общества, занялся решением вопроса о возможности появления летописца в Киеве в XI веке при обстоятельствах временных и местных. Из рассмотрения этих обстоятельств Шлёцер вывел возможность летописи; после так называемые скептики отрицали возможность явления, также основываясь на современном состоянии общества; защитники Нестора утверждали противное, опять на том же основании: но основание это было положено Шлёцером, который задал вопросы: как житель Приднепровья в XI веке мог достигнуть известной степени образованности? Как напал он на мысль написать летопись, и написать ее на отечественном языке? Кто служил ему образцом? Из каких источников почерпал он известия? И как вообще он поступал при своем летописании?

Возможность известной степени образованности Шлёцер объяснил христианством и постоянным сообщением Киева с Византией); византийские летописи могли быть занесены на Русь, и, таким образом, русский человек мог прийти к мысли стать летописателем своего народа; образцами его были византийские летописцы, а не авторы саг; что же касается до источников, то многое он описывал как современник, остальное по устным преданиям. Осторожный и проницательный критик, Шлёцер остановился пред вопросом: имел ли Нестор пред глазами древнейшие письменные известия? Нестор, по мнению Шлёцера, начинал свою летопись чисто по-византийски, с разделения земли между сыновьями Ноя; но

изложение его не византийское, а библейское. «Философских идей об истории народов, — говорит Шлёцер, — никто не станет требовать от приднепровского инокa XI века; мало говорит он о внутренней истории Руси; его более занимают внешние события, войны и т. п. Но, несмотря на все недостатки, русский летописец возвышается над позднейшими исландскими и польскими рассказчиками на столько же, на сколько рассудок, хотя часто заблуждающийся, возвышается над постоянной глупостью».

«Философских идей об истории народов никто не станет требовать от приднепровского инокa XI века». Так условиями места и времени объяснился, определился характер летописи: мы не вправе от летописца XI века ожидать того, что привыкли встречать у историков XIX века; но мы вправе ожидать от него добросовестной, бесприкрасной передачи виденного и слышанного; в этом отношении Нестор превосходит, возвышается над современными и даже позднейшими летописцами других народов; и потому он главный источник первоначальной истории Севера. Как же этот главный источник представляет нам первобытный Север вообще и дорюриковскую Россию в особенности? Это представление должно оправдать отзыв Шлёцера о честном Несторе: «Честный Нестор представляет свою страну до Рюрика пустынею, где живет несколько народцев, которых он называет всех по имени, которых места жительства часто с точностию определяет; эти народцы живут оседло, не кочуют, живут в городах, то есть в огороженных деревнях. Первым шагом к образованности у них было появление монарха, вторым принятие христианства». Чтобы понять всю важность этого Шлёцера вывода из показаний Нестора, стоит только вспомнить, что им были убиты представления о Древней Руси, к которым приучали русских людей XVIII века Елагины и Эмины. Шлёцер вывел строгую науку, древний летописец раскрыл свой простой, правдивый рассказ, и произведения бездарных риторов упразднились; с появлением законного царя исчезли самозванцы.

Шлёцер коснулся и вопроса о языке летописи Нестеровой. «Когда же, — спрашивал он, — славянская литература будет иметь своего Вахтера, своего Ире, которые сравнят славянские наречия между собою и с их общим источником?» Шлёцер не ограничился одним заданием вопроса, одним изъявлением желания, но сам приступил к

исследованию о языке церковнославянском, потом изложил историю русской историографии. Понятно, что Шлёцер, имея в виду исключительно критику источников, не мог вполне оценить достоинства трудов Татищева, Щербатова, Болтина; его отталкивало от них отсутствие критики, как он понимал ее, отсутствие ученого приготовления, ученой обработки вопросов; при односторонности своего направления он забывал, что для русских людей кроме объяснения темных мест Нестора важно было объяснение и княжеских отношений в древней России, и характера Иоанна Грозного, и событий Смутного времени. Вот почему во второй половине XVIII века Шлёцер видит в русской историографии шаг назад, тогда как мы теперь видим большой шаг вперед; несмотря на то, Шлёцер все же умеет найти достоинства и в Татищеве, и в Щербатове, и в Болтине; его отзывы о них далеко не так неблагоприятны, как отзывы, которые мы встречаем во второй четверти XIX века, — отзывы людей, не почетших за нужное перед произнесением суда над писателем познакомиться с его сочинением.

После этих предварительных статей Шлёцер приступает к главному труду — своду рукописей, разбору каждого слова, нуждающегося в объяснении, указанию источников, откуда почерпал Нестор свои известия, сличению известий других авторов и т. п. Мы не будем распространяться о важном значении этого труда в русской науке, первого, превосходного образца низшей исторической критики: это значение давно уже признано. Мы не будем входить также в подробный разбор каждого из мнений Шлёцера: эти мнения и суждения, споры о них между позднейшими учеными также хорошо известны. Мы обратим внимание читателей на те достоинства Шлёцера труда, которые сохранили вполне свою поучительность в настоящее время, которые в настоящее время имеют, быть может, гораздо более значения, чем имели когда-либо прежде.

Шлёцер находил высокий интерес в занятиях начальной русской летописью; сам говорил, что это было его любимое занятие; Шлёцер нашел в Несторе важные достоинства, предпочел его всем другим современным летописцам и, по своему обычаю, резко выразил это предпочтение: несмотря на то, он умел удержаться в должных границах, не увлекся своим любимым писателем. Признав достоверность Нестеровой летописи, показав возможность появления

летописца в Приднепровье XI века, Шлёцер и смотрит на него как на летописца начального, как на монаха XI века, на общество им описываемое, как на общество новорожденное, первоначальное: «Философских идей об истории народов никто не станет требовать от приднепровского инока XI века. Мало говорит он о внутренней истории Руси, его более занимают внешние события, войны и т. п.». Зная, что имеет дело с начальным летописцем, Шлёцер знает также, что имеет дело с начальным, первобытным обществом; критик потому уважает Нестора, что в простом рассказе его не находит ничего, что бы не соответствовало этому первобытному состоянию. Гласно и решительно высказалось мнение, что рассказ об известном времени в жизни известного общества должен соответствовать этому времени во всех чертах своих, это соответствие выставлено как непогрешительная проверка подлинности памятника, оно выставлено главной нравственной обязанностью повествования, и труд, отличающийся таким соответствием, назван честным.

Шлёцер указал на закон исторического развития положением, что все великое в природе начинается с малого^[2]. Отсюда необходимое заключение для историка, что это малое и должно быть представлено малым, не должно быть похоже на позднейшее великое, образовавшееся вековым путем постепенного движения. Нестор есть честный летописец, потому что, описывая начало государства, рассказывая о быте племен, вошедших в состав его, изображает малое малым, простое простым. От сознания этой честности, как главной обязанности историка, проистекало у Шлёцера это уважение к известиям источников, отвращение от произвольных прибавок и украшений; другие позволяли себе прибавлять, что Рюрик при конце своей жизни был болен и слаб; что он остальное время своего правления провел в покое, занимаясь внутренним устройством государства. «А я, — говорит Шлёцер, — не знаю ничего, потому что Нестор не говорит ничего об этом. Два первые года по смерти Рюрика ничем не наполнены в истории; а мне бы очень хотелось знать, что случилось в эти важные годы! Как вели себя недовольные в Новгороде? Спрашивали ли их о преемстве престола? Признали ли они наследственное право Игоря и опекунское правление Олега? Не было ли опять беспокойств и как вел себя Олег при этом? Все это и многое

другое хотелось бы мне знать: но история ничего не говорит, а вымыслами нельзя наполнять исторических пробелов»^[3].

Елагины и Эмины, стараясь вымыслами оживлять и украшать летописные известия, представляя первых князей в виде монархов XVIII века, не могли, однако, сообщить начальной русской истории никакого величия: Шлёцер, ограничиваясь одними краткими, сухими известиями летописца, умел показать величие событий и величие заслуг исторических деятелей: «Кто прочел историю этих четырех всемирно-исторических людей (Рюрика, Олега, Ольги и Владимира) у Татищева, Ломоносова, Щербатова, Елагина и других, тот нелегко поймет великое, общезанимательное, которое источники действительно представляют, ибо это великое погребено под хламом мелочей, посторонних прибавок, нейдущих к делу рассуждений, преувеличений, народных сказок». Шлёцер указал на важное значение деятельности Олега, который положил начало будущему величию России, могущественному влиянию ее на всем Севере, умел понять важность утверждения Олега в Киеве, соединения Севера с Югом^[4].

Шлёцер, имея дело только с краткими, сухими известиями летописца, честно обходясь с ними, не позволяя себе никаких прибавок, лучше всех риториков понял величие русского народа, населения третьей части земного шара, давшего ей гражданственность, историю^[5]; в этом отношении Шлёцеру принадлежит первый разумный взгляд на русскую историю; ему принадлежит научное введение русского народа в среду европейских исторических народов. Путем честного, строго научного обращения с источниками, уразумев достоинство русской истории, Шлёцер требовал, чтобы она обрабатывалась достойным образом, а не так, как изображали ее риторы XVIII века^[6]. То же честное обращение с источниками дало Шлёцеру возможность уразуметь различие начала русской истории от начала истории других европейских государств: будучи иностранцем, немцем, он не увлекся, однако, норманизмом, хотя, по ясности туземных и чужих известий, и не мог не признать первых князей норманнами: «Между пятью народцами, действующими в начале русской истории, только один принадлежит к славянскому племени — новгородцы (да разве еще кривичи); и эти новгородцы не отличаются ничем пред другими, не первенствуют. Несмотря на то, славяне становятся главным народом новой монархии

и поглощают не только четыре остальных народца, но и самих завоевателей: все становится славянским! Через 200 лет от варягов не остается ни малейшего следа; даже скандинавские собственные имена после Игоря исчезают из княжеского дома и заменяются славянскими. Славянский язык не терпит ни малейшей перемены от норманнского языка повелителей. Совершенно иначе происходит в Италии, Галлии, Испании и других странах: сколько германского внесено франками в латынь галлов! Новое доказательство, что норманнские дружины, поселившиеся в стране, не были многочисленны»^[7].

II

Нам не нужно много распространяться о важном значении главных положений Шлёцера в истории нашей науки. Исследования Шлёцера ограничиваются начальным периодом русской истории; о дальнейшем ходе событий он имел ошибочные понятия по недостатку подробного фактического изучения; он только начал, но начал как следует, именно начал сначала, и потому его труд лег в основу исторического направления в нашей науке. Все великое начинается с малого; чтобы определить правильно это малое и наблюдать многосторонне и, по возможности, непогрешительно за его возрастанием в большое, надобно вникнуть в простой, правдивый рассказ честного летописца, не искажая его, не примешивая к нему представлений, из другого времени взятых. Вопрос: что было в нынешней России в то время, как на ней еще русского имени не было? Вопрос этот, правильно, на основании летописных показаний решенный, — чрезвычайной важности, ибо только посредством его решения мы получим ключ к уразумению начала нашего государства и дальнейшей его истории.

Как же изображает нам летописец это дорюриковское состояние своей страны? «Честный Нестор представляет свою страну до Рюрика пустынею, где живет несколько народцев». Страна — пустыня, и какая пустыня, каких размеров? Это громадная равнина от Белого моря до Черного и от Каспийского до Балтийского! Если эта обширная страна в половине IX века была пустынею, то могла ли она скоро перестать быть пустынею, скоро населиться? Явные следы постепенного и медленного населения ее мы видим в продолжение всей нашей истории; видим, как древние южные князья, как потом северные князья, государи Московские, тяготея малочисленностию народонаселения, стараются увеличить последнее; в XV, XVI, XVII веках путешественники описывают большую часть страны пустынею, покрытою на обширных пространствах дремучими лесами, болотами, по которым можно ездить только зимою, а не летом. Вспомним, какое ничтожное относительно пространства народонаселение имело Московское государство при переходе своем во Всероссийскую

империю и после, в XVIII веке! Но, вспомнив все это, мы не будем удивляться медленности государственного развития, медленности установления наряда на Земле великой, ибо знаем, как огромное пространство с редко-разбросанным народонаселением препятствует быстроте и правильности отправлений государственного организма. Какие важные явления нашей истории, нашей жизни легко объясняются, когда историк начнет сначала, когда начнет с того, что страна наша в половине IX века была пустынею, по которой редко были рассеяны разные народцы, что до половины IX века здесь не было истории!

Честный летописец изображает восточную равнину до Рюрика пустынею, где живет несколько народцев; но как он изображает быт этих народов? «Каждый жил особо с родом своим на своем месте, владел родом своим, свой обычай имел». На севере, в некоторых племенах эти особные роды были приведены к единству под одну общую власть сперва силою; потом, когда эта власть была отстранена, родовая особенность высказалась вновь в усобицах: «встал род на род»; но средство прекратить это положение было недавно испытано, и общая власть призывается. Призванные князья, благодаря соединенным силам призвавших племен, заставляют и все другие племена восточной равнины подчиниться одной общей власти: происходит соединение племен, вместо племен видим волости, каждую со своим князем; но эти князья суть члены одного нераздельного рода, и эта нераздельность поддерживает единство Русской земли во время государственного младенчества; потом волости соединяются в одно государство, многие князья исчезают, является единовластие. Внутренний процесс государственного объединения оканчивается, тяжелый, медленный процесс опять вследствие громадности страны, составляющей свой отдельный мир. По окончании этого процесса государство получает возможность войти в систему европейских государств с сильным, по своим средствам, влиянием, но в то же время подвергаясь влиянию и других государств, что необходимо в общей жизни народов, необходимо для успехов народной жизни.

Но мы не можем высказать это последнее положение как общепринятое, ибо существует мнение противное, существует направление, противоположное историческому направлению, которое

начинается Шлёцеровым Нестором. В чем состоит это направление, которое мы должны назвать антиисторическим, оказывается из положений, высказанных его последователями.

Первое положение состоит в том, что у восточных славян и у славян вообще не было родового быта, а если и был, то рушился во времена доисторические. Отрицать господство родового быта у славян в половине IX века и сильное влияние его после в отношениях самых видных, именно в отношениях княжеских и вельможеских, можно, только отвергая свидетельства честных летописцев и других неоспоримых источников, чего последователи исторического направления позволить себе не могут. Последователи антиисторического направления могли это сделать, или заподозривая подлинность летописи, или перетолковывая ясный смысл летописных известий, употребляя натяжки. Они предпочли второй способ. Там, где на сцене прямо явление из родового быта, как, например, если братья владеют нераздельно отцовским имуществом, там последователи антиисторического направления видят явление семейное! Летописец говорит ясно, что у восточных славян каждый жил особо с родом своим и владел им; нет, говорят, это значит, что славяне владели по родам, целым родом совокупно — и таким образом, вопреки своему желанию, прямо доказывают господство родового быта. Всем, сколько-нибудь знакомым с языком древних памятников, известно, что слово «род» употреблялось для означения современной совокупности всех живых родственников; последователи антиисторического направления отвергают и это; говорят, что слово «род» означало только семью; родовые княжеские отношения они объясняют тем, что князья не были славянского племени, не указывая на тот не славянский народ, у которого это явление было бы в такой степени развито, и умалчивая о тех славянских народах, в которых оно было развито.

Отвергнувши родовой быт, последователи антиисторического направления поставили изначальную общину договорную, провозгласили, что общинный быт есть господствующее явление нашей истории. Тщетно им говорят, что существование общинного быта в России никто не оспаривает; тщетно говорят им, что быт этот и в гораздо большем развитии видим в истории других народов; тщетно говорят им, что явление должно быть объяснено исторически: последователи антиисторического направления продолжают

утверждать, что был общинный быт, господствовал — и только! Как начался, вследствие каких причин усиливался или ослаблялся, в какие эпохи замечаем это усиление или ослабление — на эти вопросы они не отвечают. Были вечевые города, говорят они.

Действительно, были, и давно уже историки обратили внимание на эти города, на их историю, указывая происхождение вечевого быта, его развитие и упадок. Были вечевые города в начале общественной русской жизни, исчезли при образовании государства, которое исключило эту форму городского или областного быта. Сначала видим особые, замкнутые, самостоятельные роды; потом, вследствие известных влияний, эти роды заменяются обществами, члены которых соединены не родственною связью, обществами, более или менее самостоятельно управляющимися; но эти общества, или общины, так же замкнуты и особны, так же страдают эгоизмом, как и роды; народ, который остановится на этой ступени, недолго может поддерживать свою самостоятельность. Чтобы достигнуть высшей ступени развития, чтобы достигнуть единства государственного, ясного сознания об этом единстве и способности пожертвовать всем для его сохранения, народ должен отказаться от этой общинной особности, пожертвовать ею, а потом, когда государство окрепнет, когда сознание о его единстве утвердится — тогда вопрос о той или другой форме областного управления может решиться так или иначе, вследствие различных условий. Мы знаем, как в Московском государстве решаем был этот вопрос; как давалось самостоятельное управление мирам, местным общинам; как потом, вследствие стремления частей государственного организма к большему развитию, община местная должна была пасть перед сословною, образование которой было делом новой России, завещанном ей старою. При этом мелькала неясная мысль о возможности не исключать местную общину сословную, а соединить их; но, как обыкновенно бывает, одно начало, пролагая себе дорогу, стремилось исключить совершенно другое; способность, не утрачивая старого, соединить его с новым есть принадлежность поколений, крепких просвещением, крепких мудростию гражданскою. Об этом надеемся поговорить подробнее в другой статье.

Новгород не поддержал Ростова, Псков выдал Новгород — вот обычное поведение общин! Северо-Восточная Россия для объединения своего, для собрания земли, отеклась от вечевого быта. У народов

исторических в известные эпохи замечаем известные симпатии и антипатии, показывающие историку, какое начало вырабатывает в себе народ, начало, необходимое для продолжения его исторической жизни, для выхода на более широкий путь: отсюда понятно у московских летописцев это отвращение к вечу, это нерасположение к новгородцам, вечникам, крамольникам. Что выиграла Северо-восточная Русь этим отречением от вечевого быта, показал ясно 1612 год, когда народ, вследствие сознания государственного единства, мог встать как один человек для охранения этого единства.

Третий вопрос, которого коснулись последователи антиисторического направления, был вопрос о земских соборах. Вот мнение их о происхождении этого явления^[8]: «До московского периода, при множестве отдельных княжеств, мы беспрестанно (?) видим веча, видим сильный элемент совещательный. Что же с ним случилось, с этим элементом? Внутри государственного состава произошла перемена. Отношения государя к дружине переменились. А что же отношения государя к земле? Переменились ли они или нет? Как переменились? И чем стали они? Как отразилась или обозначилась правительственная перемена в отношении к народу?

Древние областные веча, не всегда остававшиеся в пределах одного мнения, но примешивавшие нередко употребление грубой внешней силы, преобразились, при единодержавии, в земский собор всей России — явление, уже имеющее одну чисто нравственную силу мнения, без всякой примеси внешней принудительности, силу, к которой обращалось правительство, как к самой надежной и верной подпоре. Обратимся к самой истории, к самым событиям. Первым движением Иоанна-царя было: созвать на Красную площадь земский собор. На этом соборе царь возвестил только Земле, что наступила новая эпоха, новые между ними отношения. На этом соборе царь и Земля увидались друг с другом, и ярко выступил новый состав России: единый царь и вся Земля. Созвание земского собора было собственным действием Иоанна, внушенное сознанием значения царя в России. Новое возведенное начало, заявившее себя созванием от царя первого земского собора, было приложено к делу впоследствии. В 1566 году Иоанн IV созвал опять земский собор и спрашивал мнения, мириться ли с Польшею на предложенных ею условиях или воевать, требуя больших уступок. Если скажут, что созвание земского собора не имело

того значения, что это было личное действие Иоанна, его личное желание, то в ответ на это мы укажем на целый ряд земских соборов, отсюда возникающих и продолжающихся вплоть до самого Петра I, так что последний земский собор распускается от имени Петра. Нам скажут, что этих соборов мы не видим ни в царствование Феодора, ни в царствование Годунова. Отвечаем на это, во-первых, что, начиная с царя Михаила Феодоровича, нельзя уже не признать целого ряда соборов и что все-таки первый земский собор был созван первым Русским царем. Во-вторых, только о некоторых соборах сохранились известия полные, целые протоколы заседаний, об иных известия краткие; об иных узнаем из грамот, до них касающихся, а об иных из грамот, даже не касающихся до них, но-где, однако, ясно и определенно о них говорится в нескольких строках. Итак, мы можем предположить, что земские соборы могли быть при Феодоре и Борисе, но что известия о них или потеряны, или существуют в других грамотах, между множеством посторонних слов».

В этом изложении мнения о соборах вполне обнаруживается способ, какой употребляют последователи антиисторического направления в своих рассуждениях. До московского периода были вече, был сильный элемент совещательный. Что с ним случилось в период московский? Его нет, говорят нам источники; мало того, в этих самых источниках находим сильные выходки против него; если этот элемент был силен, то зачем он исчез, зачем не обнаруживался при деле собирания Земли? Что ему мешало? Ясно, следовательно, что новое общество строилось на других началах, исключавших вечевого элемент; и действительно, когда Иоанн III потребовал от вечевого Новгорода, чтобы он принял обычаи московские, и новгородцы спросили, какие это обычаи, то Иоанн отвечал: не быть вечу. И вот этот совещательный элемент, которого не было в новой Северо-Восточной Руси, вдруг является, воскресает при новом титуле, который принял Иоанн IV! Не являлся он, когда дело собирания Земли совершилось на факте, при Иоанне III, при сыне его Василии, государях всея Руси, и явился только тогда, когда Иоанн IV назвал себя царем! Преображение одного явления в другое можно допустить только тогда, когда между ними есть очевидная связь, когда можно указать на посредствующие звенья, посредствующие формы; но можно

ли сближать между собою явления, между которыми нет никакой связи, которые отделены друг от друга веками?

Созвание выборных на Красную площадь не было следствием существования когда-то и где-то вечей; не было и явлением случайным, не было личным действием Иоанна: это явление вытекало естественно и необходимо из отношений царя к дружине, из естественного стремления найти себе опору против заподозренной дружины. Зачем Иоанн созвал выборных, что он им сказал? То, что в его малолетство бояре беззаконствовали, и он не был виноват в этих беззакониях; теперь, когда он возмужал, сам принял власть — подобных беззаконий уже не будет. Как несправедливо приписывать усиление выборного начала в областном управлении борьбе Иоанна с дружиною, ибо это усиление началось прежде Иоанна вследствие ясно высказавшихся государственных потребностей, точно так же несправедливо приписывать созвание выборных чему-либо иному, а не этой борьбе, ибо здесь побуждения, проистекающие прямо из этой борьбы, ясно высказываются. Автор приведенного мнения о происхождении собора от веча говорит, что собор 1566 года, по поводу войны Литовской, был приложением к делу начала, заявившего себя в созвании выборных на Красной площади. Действительно, связь между этими явлениями ясна: они оба проистекали из одного источника; но между ними было еще посредствующее, однородное им явление: это обращение Иоанна к московским горожанам по отъезде в Александровскую слободу. Но если созвание выборных на Красную площадь, обращение к горожанам московским по отъезде в Александровскую слободу и призыв на собор 1566 года кроме духовенства, бояр и дворян также приказных людей, гостей и лучших купцов московских суть явления однородные, из одной причины проистекающие, то уже ни в каком случае они не могут подтверждать мнения, что здесь высказалась мысль народная, что собор 1566 года был собором всей России — ибо нам известно, кто был на этом соборе: духовенство, бояре, окольные, казначеи, государевы дьяки; дворяне и дети боярские первой и второй статьи, помещики с западных литовских границ как люди, которым более других были знакомы местные отношения, дьяки и приказные люди, гости, лучшие купцы московские. Где же выборные из городов, из областей? Где же вся Земля, позванная на совет вследствие объединения государства?

Значит, гости и лучшие купцы московские были представителями всех областей объединенной России?

Самому автору приведенного мнения представилось сильное выражение: «Нам скажут, что земских соборов мы не видим ни в царствование Феодора, ни в царствование Годунова». Как же он опровергает это возражение? «Начиная с царя Михаила Феодоровича, нельзя уже не признать целого ряда соборов, и все-таки первый земский собор был созван первым Русским царем». Выходит, что при царе Иване было единое государство и мысль народная высказывалась на совете всей Земли; при царе Михаиле было то же самое; что же было при царе Феодоре и при царе Борисе? Единство государственное рушилось, стало быть, и мысль народная замолкла? Любопытно это «все-таки»: «все-таки первый земский собор был созван первым Русским царем». Как легко человеку, который не обладает предметом своего мышления, но которым этот предмет обладает, впасть в мистицизм! Разве это не мистицизм — настаивать на таинственную связь первого собора с первым царем? Но еще любопытнее второй ответ автора: Земские соборы могли быть при Феодоре и при Годунове, но известия о них потеряны! Спрашивается, чего нельзя доказать таким образом? Всякое явление, которое нам нужно, могло быть, а если о нем нет известий в источниках, то это потому, что они потеряны: вопрос порешен!

Мы привели мнение автора о возможности соборов при царе Феодоре и Борисе Годунове для показания способа, какой употребляют последователи антиисторического направления при решении ученых вопросов. Что же касается до фактов, то в начале царствования Феодора, если мы и не можем решительно указать на настоящий земский собор, то, по крайней мере, можем указать на приготовления к нему, ибо со смертью Иоанна IV уже начинается время смут, из которых государство могло выйти только с помощью всей Земли, начинается время действительных земских соборов. По смерти Иоанна IV уже возник вопрос, кому из двоих сыновей его быть царем — ибо старший, царевич Феодор, признавался неспособным. Возникли вследствие этого беспокойства, поддерживаемые честолюбцами. Англичанин Горсей говорит, что 4-го мая 1584 года созван был собор (parliament), на котором присутствовали митрополит, архиепископы, епископы, игумены и все дворянство (all the nobiliti Whatsoever); наши

летописи говорят: «По преставлении государя И. В. приидоша изо всех городов к Москве именитые люди из всего государства Московского и молиша со слезами государя царевича Феодора Иоанновича, чтоб был на Московском государстве царем и венчался царским венцем».

Мы не знаем, были ли эти именитые люди из городов на соборе, или дело их ограничилось только просьбою царевичу Феодору. Но кто были эти посланные люди? Название «именитый» — неопределенно означает вообще знатного человека; Горсей говорит, что на соборе было дворянство, и надобно заметить, что англичане в этом отношении очень точны, они постоянно различают дворянство и горожан: тот же Горсей в том же месте говорит о беспокойствах между дворянством и горожанами. Джон Мерик о Годунове говорит, что он был избран кроме дворянства и всеми горожанами. Но как бы то ни было, для нас важно то, что великий вопрос о престолонаследии, поднявшийся впервые, впервые вызывает участие всей Земли, здесь впервые слышится ее голос, ибо на Красной площади, где говорил царь Иоанн Васильевич, ничьего голоса, кроме его, не было слышно; на соборе 1566 года выборных из городов не было; а в 1584 году явились именитые люди (кто бы они ни были) из всех городов всего Московского государства и просили царевича Феодора принять престол. Тот же самый великий вопрос об избрании царя повторился по смерти Феодора и был решен всею Землею на соборе. Началась эпоха смут, явилось несколько искателей престола, наконец, на Москве не стало более никакого царя; боярская дума, преданная иноверцу Владиславу, не удовлетворяла требованиям Земли, и Земля чрез своих представителей должна была принять на себя правительство; грамоты писались от имени всей Земли; по очищении Земли собор избирает царя, которому дает слово, что смуты не повторятся более; что, несмотря на страшное расстройство всех государственных отправлений, у нового государя будут средства установить наряд и укротить врагов. Это положение государства и это обещание, данное Землей новому государю, условливали если не постоянный земский собор, то, по крайней мере, очень частое его созывание, что и видим на самом деле в царствование Михаила Феодоровича.

Состояние государства, значение собора, его необходимость в царствование Михаила Феодоровича всего яснее видны из переписки нового царя с земским советом еще до прибытия Михаила в Москву;

так, он пишет из Ярославля: «От царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси богомольцу нашему Кириллу митрополиту Ростовскому, архиепископам, епископам и всему освященному собору, боярам нашим, и окольниковым, и стольникам, и стряпчим, и дворянам большим, и приказным людям, и жильцам, и дворянам, и детям боярским из городов, головам стрелецким, сотникам, атаманам, козакам, стрельцам, гостям, торговым и из городов приезжим людям и всем Московского государства всех чинов людям. Писали вы к нам, чтоб нам идти к Москве вскоре, и прислали роспись, что у вас на Москве, на дворце всяких запасов: и по той росписи запасов во дворце мало, и с обиход наш того не будет и на приезд наш. А которые сборщики от вас посланы, по городам для кормов: и те сборщики к Москве не бывали, а денег ни в котором приказе в сборе нет, а Московское государство от польских и литовских людей до конца разорено, на наш обиход запасов и служилым людям на жалованье денег и хлеба собирать не с кого. Атаманы и козаки беспрестанно нам бьют челом и докучают о денежном жалованье, о своих и конских кормах, а нам их жаловать нечем и кормов давать нечего. И вам бы приговор учинить: чем нам ратных людей жаловать, и свои обиходы полнить, и бедных служилых людей чем кормить и поить, и ружным и оброчникам на жалованье деньги и хлебные всякие запасы давать? и про то б вам про все учинить полный приговор, как кому быть, и к нам отписать вскоре. А то вам самим и всему Московскому государству, служилым и жилецким людям, ведомо: учинились мы царем вашим прошеньем и челобитьем, а не своим хотеньем; крест нам целовали вы своею волею; и вам бы всем, помня свое крестное целованье, нам служить, и о всяком деле радеть, и приговор свой учинить, как то всему быть».

Автор приведенного мнения о соборах говорит: «Отстояв свою независимость, Русская Земля вновь призвала государство и вновь поставила себе царя, избранного всею Землею. Отсюда начинается уже целый ряд земских соборов: государство часто призывает Землю на совет. Три первых царя из рода Романовых охотно собирают земские соборы, как скоро встречается важное дело, касающееся до всей России. При одном царе Михаиле Феодоровиче насчитывается до 12 земских соборов. При царе Алексее Михайловиче для обсуждения Уложения был собран земский собор. Когда Малороссия просила царя

о присоединении ее к России, то решение этого важного вопроса было предложено также земскому собору» (заметим, что по малороссийскому делу было два собора).

При царе Михаиле 12 соборов, а в долговременное и обильное важными событиями царствование Алексея Михайловича только два (собственно 3!). Для последователей антиисторического направления это ничего не значит, ибо им нет нужды до истории явления; вот почему происхождение собора у них мистически соединено с принятием царского титула Иоанном IV, а окончание также мистически соединено с именем Петра, ибо последний собор, по их мнению, распущен именем Петра, хотя Петр был в то время младенец. Но для последователей исторического направления эта разница, что при царе Михаиле было 12 соборов, а при царе Алексее только 2, чрезвычайной важности, ибо это ясно показывает вымирание явления, ослабление причины, его производившей. При царе Михаиле государство находилось в самом бедственном положении; у правительства, как мы видели, не было никаких средств, и оно постоянно обращалось за этими средствами к Земле, созывало соборы, требуя от них средств для известного предприятия. Но мало-помалу государство оправилось, приобрело средства, и соборы по делам внешней политики, для войн прекращаются. Последний такого рода собор был при царе Алексее Михайловиче, именно по случаю присоединения Малороссии, и в обстоятельствах созвания собора ясно видно, что явление вымерло, осталась одна форма, которую сочли нужным еще исполнять из уважения к обычаю предшествовавшего царствования. 6 сентября 1653 года царь Алексей Михайлович отправил к гетману Богдану Хмельницкому ближнего стольника Родиона Стрешнева и дьяка Бредихина, а в верующей грамоте писал: «Послали мы, для наших государственных дел, к тебе и ко всему войску Запорожскому ближнего нашего стольника... а с ним послали к тебе наше государское жалованье, и о чем они тебе говорить учнут, и тебе б им в том верить»^[9]. Что же должны были говорить гетману Стрешнев и Бредихин? Об этом дает знать сам гетман в отписке к царю: «Зело утешилися есмя, когда грамоту прочитали есмы, от твоего царского величества присланную до нас, всего войска Запорожского, через ближнего стольника Р. М. Стрешнева и дьяка М. Бредихина, которые нам объявили, что твое пресветлое царское величество

пожаловал нас и изволил принять под свою крепкую руку. И мы тому обрадовались вельми, и рады твоему пресветлому царскому величеству верно во всем служить и крест целовать»^[10].

Итак, 6 сентября государь послал к гетману с объявлением, что он принял его в подданство, а 1 октября созван собор для рассуждения о том, принять ли гетмана в подданство! Положим, что Алексей Михайлович был уверен в согласии собора, ибо об этом было рассуждаемо прежде; но в таком случае для чего созывать вторично собор и предлагать снова дело на обсуждение? Если же хотели большего, окончательного удостоверения, то зачем было созывать собор после решения дела? При Михаиле Феодоровиче, при каждой новой войне, требовавшей особых издержек, сбора десятой деньги, созывался земский собор; при царе же Алексее Михайловиче, перед началом войны с турками, сбор десятой деньги решили духовенство, бояре, окольные и думные люди.

Таким образом, земский собор, бывший следствием известных причин, действовавших в XVII веке, вымирает с уничтожением этих причин; вымирает в древней же России, прекращается в царствование Алексея Михайловича, и неправильно автор приведенного мнения распускание последнего собора соединяет с именем малолетнего Петра. «Царь Феодор Алексеевич, — говорит он, — в свое короткое царствование созывал два собора: один — для уничтожения местничества; на этом соборе были только служилые люди, ибо вопрос о местничестве до Земли не касался: Земля не служила и не местничалась. Другой — был земский собор, предмет которого был весьма важен. Он был созван для уравнивания всяких служб и податей».

Первый собор насчет местничества не был земским собором, следовательно, о нем и говорить не следовало в статье «О земских соборах»; наука требует точности; таких соборов, как собор о местничестве, созывалось много и прежде, и в XVI веке. Что же касается до созвания выборных для уравнивания служб и податей, то и это — не земский собор, таким он нигде и не назывался. Если же угодно подобные созывания выборных из областей называть земскими соборами, то упомянутое созвание 1682 года вовсе не будет в таком случае последним земским собором, и не нужно распускание последнего земского собора мистически соединять с именем Петра, ибо обычай этот существовал и в XVIII веке точно так же, как в XVII;

здесь нет, следовательно, грани между древнею и новою Россиею. Так, в царствование Петра II, в 1728 году, для сочинения Уложения ведено было выслать к Москве из офицеров и из дворян добрых и знающих людей из каждой губернии, кроме Лифляндии, Эстляндии и Сибири, по пяти человек за выбором от шляхетства. При Анне Иоанновне поведено определить к составлению Уложения добрых и знающих в делах людей, по рассмотрению Сената, выбрав из шляхетства и духовных и купечества, из которых духовным и купецким быть в то время, когда касающиеся к ним пункты слушаны будут. При императрице Елисавете в 1761 году также по поводу сочинения Уложения правительство объявило: «Как оное сочинение Уложения, для управления всего государства гражданских дел весьма нужно, следственно, всего общества и труд в советах быть к тому потребен, и потому всякого сына отечества долг есть советом и делом в том помогать. Того ради Пр. Сенат приказали: к слушанию того Уложения из городов из всякой провинции, кроме новозавоеванных, тако же Сибирской, Астраханской и Киевской губерний, штаб- или обер-офицеров, происшедших из дворян, и знатного дворянства, не выключая из того и вечно отставных от всех дел, токмо к тому делу достойных, по два человека из каждой провинции, за выбором всех тех городов шляхетства; ежели же они кого из обретающих в С.-Петербурге, у статских дел, к означенному делу выбрать пожелают, то в том дается им на волю; по тому ж и купцов за таким же от купечества выбором по одному человеку. Губернаторам, воеводам, также и магистрату в те их выборы ни во что не вступать». Потом ведено выслать к слушанию Уложения из дворян и купечества тобольского, иркутского, киевского, нежинского и оренбургского. Нам не нужно говорить об известной Комиссии для Уложения при Екатерине II.

Переходя к новой России, к объяснению отношения ее к Руси древней, последователи исторического направления тесно связывают обе половины русской истории — допетровскую и послепетровскую; в явлениях последней видят результаты явлений первой. Последователи противоположного направления отрицают эту связь, отрицают законность происхождения явлений новой России из явлений древней, видят в первых уклонение от естественного, правильного хода, замечаемого ими во вторых. «Время, — говорят они, — есть мыслимое, внешнее

выражение и ограничение развития, есть форма, которая беспрестанно готова распасться в ничто без внутреннего содержания, без того, что совершается во времени. Этой формы и содержания невозможно разнять человеку в труде земного развития; но еще опаснее смешать и слить их, ибо тогда ускользнет вечное и существенное. То, что после, окажется тогда непременно выше, несмотря на то, что по отношению к прежнему существенному развитию оно может быть ниже. И вот пример. Мы знаем форму просвещения, господствующую у нас в оболочке времени последних полутора столетий; но и прежде того мы видим на Руси существеннейшее стремление к просвещению, шаг за шагом выражавшее себя яснее и яснее: выводят отсюда, что просвещение новой Руси есть искомая задача древней, есть удовлетворение и ответ на ее стремления. Но, может статься, те былые стремления разногласят в сущности с новой формой? Может статься, донныне хранятся в глубине народа от древности иные задатки, иные требования, как слабая искра, пеплом закрытая и для поверхностного взгляда темная, в сравнении со светом поверхностного просвещения? Видите ли, что основа заблудившегося вывода лежит в смешении формы и содержания?» [\[11\]](#)

Ничего не видим, ибо вы нам ничего не показали. Вы сказали: может статься, есть тут что-нибудь, и непосредственно после этого: может статься, позволяете себе говорить: «видите ли, что вы ошибаетесь, не усматривая, что тут действительно есть что-то!» Но обратимся к фактам. Приведенное мнение высказано по поводу важного явления в истории просвещения древней Руси, именно собрания книг Священного Писания воедино, сделанного известным новгородским архиепископом Геннадием в XV веке. Оказывается, что дело это совершенно неудовлетворительно, а именно: текст занят был не всегда древнейший и лучший; текст, взятый из списков толковых, не везде очищен от толкований и кой-где перебит вносками; порядок в последовании книг всюду почти соображен с латинскою Библиею; некоторые оглавления и предисловия заимствованы не только с подлинника латинского, но даже и немецкого; некоторые книги ветхозаветные или места из них, в древнейшем славянском переводе неизвестные Геннадию или затерявшиеся, приняты им в переводе с латинского.

Для последователей исторического направления это явление вполне понятно, труд Геннадия был первый опыт собрания книг Св. Писания воедино, опыт, предпринятый при очень неудовлетворительном состоянии просвещения и потому не могший быть совершен вполне удовлетворительным образом. Но иначе считают своею обязанностью смотреть на дело последователи антиисторического направления. Дело, совершенное в Древней Руси, не может иметь недостатков; если же имеет их, то это вина не общества, а частного лица, совершившего труд. И вот Геннадий подвергается упрекам за небрежность, за нежелание отыскать славянские рукописи и выбрать из них древнейшие и лучшие. Не хотят объяснять дело самым простым и естественным образом, что рукописи древнейшие и лучшие были редки, неизвестны, затеряны по разным углам обширной страны; что Геннадий и его сотрудники, несмотря на все свое желание и старание, не могли отыскать и, отыскавши, по недостатку необходимых познаний, не умели выбрать лучшего; нет, из желания отстоять мысль о непогрешительности Древней Руси предпочитают осыпать упреками одно из самых почтенных лиц нашей древней истории! Прекрасные древние рукописи были на Руси; но вот когда один из самых просвещенных (если не самый просвещенный) пастырей Церкви задумал собрать воедино книги Св. Писания, то не мог найти или не умел выбрать лучших! Кажется, это явление должно служить самым лучшим мерилем просвещения на Руси в XV веке.

Доказывая, что Геннадий заставлял переводить некоторые книги с латинского по небрежности, по нежеланию заняться хорошенько делом, а не потому, что греческий текст был неизвестен и недоступен, говорят: «На Руси, стоявшей в постоянных и ближайших сношениях с Грецией, на Руси, употреблявшей в некоторых местах греческий язык даже при богослужении, принимавшей к себе множество Греков, а в Грецию посылавшей столько путешественников, столько иноков и торговых людей на постоянное житье; имевшей в греческих монастырях своих особых переписчиков; в языке торговых переходящих людей, Варягов, сохранившей наполовину слова греческие; справлявшей постоянно, и в это самое время, текст св. книг, конечно, не без подлинника греческого; наконец, продолжавшей переводить с греческого некоторые книги и незадолго перед тем имевшей в главе духовенства Грека, митрополита Фотия: на этой Руси не было людей,

достаточно знающих греческий язык? Положим. Но при этом да потрудятся объяснить нам: как на этой же Руси, в этот же век Геннадия, нашлись достаточные переводчики с языка латинского, который никогда не привлекал особенного расположения нашего народа, называвшего все католичество латинством? Как у Геннадия нашлись люди для переводов с немецкого, с языка того народа, который по преимуществу назван на нашем языке немым, как бы не признан даже языком, или, по счастливому выражению Нестора, признан за язык, но только язык нем?»

Любопытно, что автор считает трудным ответ на свои вопросы, употребляет выражение: да потрудятся! Кто же не знает, что в веке Геннадия и после латинский и немецкий языки были необходимы для внешних сношений; что у нас были постоянно толмачи латинские и немецкие, к числу которых принадлежал известный Димитрий, помогавший Геннадию своими познаниями? Что же касается до языка немецкого, то в Новгороде и Пскове, епархии Геннадиевой, вследствие непрерывных связей с немцами, должны были всегда находиться знатоки немецкого языка. Просим также автора указать нам на множество Греков, на столько путешественников, иноков и торговых людей; но если бы даже их было действительно множество и столько, то неужели всякий грек, всякий купец, паломник и монах был способен заняться важным делом перевода или исправления книг?

Да попробует автор, встретивши первого богомольца, возвратившегося с Афона, из Константинополя, предложить ему перевести что-нибудь с греческого! Неужели автор думает, что и варяги способны заняться этим делом и что греческие слова, сохранившиеся в их языке, были следствием знакомства наших предков с греческою литературой? Где доказательства, что в Геннадиево время происходило исправление св. книг с греческого подлинника? Какое влияние могло иметь греческое происхождение митрополита Фотия на век Геннадиев? Должны мы, наконец, остановиться и на том, что последователи антиисторического направления называют наших летописцев счастливыми выражениями; к этим выражениям они относят выражение язык нем, для обозначения языка иностранного, непонятного; происхождение такого выражения понятно как следствие младенческого взгляда, и счастливым можно назвать его разве по отношению к известному выражению «счастливое

младенчество». Если выражение счастливо, значит, оно — верно, верно само по себе, верно для всех времен, значит, по мнению последователей антиисторического направления, язык германцев действительно язык нем? Этот взгляд на иностранные языки очень любопытен; надобно надеяться, что он будет изложен в надлежащей полноте.

От существования в XV веке людей, знающих латинский и немецкий языки, автор, не обративши внимания на служебное значение этих людей, заключил о существовании людей, знающих греческий язык, способных заняться переводом книг с греческого, исправлением старых переводов по греческому подлиннику. Но автор встретил непреодолимое возражение; какими же средствами он думал преодолеть его? «Вы указываете, — говорит он, — на Максима Грека, который, немного лет спустя, вызван был в Москву, потому что здесь не находили хорошо знающих греческий язык. Позвольте сказать, что это, несправедливо; не потому был вызван Максим, а для того, чтобы служить ему руководителем и исправителем сведений и занятий; явление это подтверждает только наше исконное стремление к просвещению и само говорит в подтверждение наших сношений с Грециею. Другим делом Максима, за которое тотчас и посадили его по приезду, был разбор книжных русских сокровищ, которые в то время и после так удивляли иностранцев и для которых именно нужен был иностранец, со сведениями иностранных университетов. И вот новый вопрос против того предположения, будто бы в наших книгохранилищах не находили в то время — чего же! — даже греческого текста Библии».

Сначала уступим, согласимся, что Максим Грек был призван для того, чтобы служить руководителем и исправителем сведений и занятий, а также для того, чтоб разобрать книжные русские сокровища. Отсюда выходит прямо, что русские люди конца XV и первой половины XVI века не могли сделать ничего исправного без помощи ученого грека, приобретшего свою ученость в иностранных университетах; не могли оценить и разобрать своих книжных сокровищ. Спрашиваем теперь: какое же право имел автор порицать Геннадия за то, что он не умел найти того, что ему было нужно, не умел выбрать лучшего, не умел исправить того, что у него было? Не ясно ли, следовательно, что погрешности дела Геннадиева были

следствием состояния современного общества, а не личности самого делателя. Далее автор говорит, что призыв Максима для исправления и руководства подтверждает наше исконное стремление к просвещению; но как же тот автор позволил себе вооружиться против положения, что в Древней Руси существовало исконное стремление к просвещению; что потребность эта высказывалась все яснее и яснее и, наконец, нашла себе удовлетворение в мерах, знаменующих деятельность новой России. Если в XVI веке для исправления, руководства и разбора своих сокровищ, которым не знали цены, не умели пользоваться, понадобился воспитанник иностранных университетов, то на каком основании считать каким-то уклонением от законного пути сближение с иностранными университетами в XVIII веке? Не ясно ли, что Древняя Русь собственными средствами не могла удовлетворить своему исконному стремлению, и средство к этому удовлетворению, употребленное новою Русью, было естественно, необходимо, законно и было не ново, потому что употреблялось уже и Древнею Русью?

Наконец, мы не можем исполнить просьбу автора, не можем позволить ему сказать, будто несправедливо, что Максим Грек был вызван по недостатку в Москве людей, хорошо знающих греческий язык. Известно, что Максим Грек был переводчик, а не руководитель только; как он переводил, об этом свидетельствует ученик его, знаменитый Зиновий Отенский: «Когда пришел от Св. Горы Максим, то великий князь Василий повелел ему переводить толковую псалтирь с греческого языка на русский; Максим взял толмачей латинских и перевел псалтирь с греческого языка на латинский, а толмачи латинские перевели с латинского на русский, потому что Максим по-русски плохо разумел». Если бы в то время в Москве были люди, знавшие греческий язык, то для чего Максиму было поступать таким образом: переводить сначала на латинский язык?

Чтобы оправдать Древнюю Русь в недостатке просвещения и возложить всю вину на Геннадия, автор старается доказать, что в XVI веке делу Геннадия не сочувствовали, не одобряли его: «По совершении дела Геннадия, оно впоследствии не было признано открыто, служебно, письменно и действительно ни государством, ни Церковью и духовенством». Но спрашиваем: какие формы, по мнению автора, должна была употребить Древняя Русь для выражения этого признания? Дело, совершенное архиепископом, нуждалось ли в каком-

нибудь признанию? Признание было полное и торжественное; один список Геннадиева труда принадлежал митрополиту Варлааму, который отдал его как вклад по своей душе и по своих родителях в Троицкий монастырь; второй принадлежал царю Иоанну; третий — епископу Рязанскому; наконец, что всего важнее, когда князь Константин Острожский обратился к царю Иоанну с просьбою прислать ему полный список Библии для печатания, царь послал ему список Геннадиевский: ясный знак, что в Москве признавали этот труд вполне достойным.

Мы должны довольно долго остановиться на этом антиисторическом взгляде на труд Геннадия, ибо взгляд этот показывает всего яснее, к чему ведет вообще антиисторический взгляд на Древнюю Россию: если признали своею задачею доказывать превосходство древнего русского общества, то необходимо должны все явления, которых нельзя назвать превосходными, приписать случайности, сложить всю вину несовершенства на исторического деятеля. Последователи исторического направления с глубоким сочувствием остановятся на деле Геннадия, скажут слово сочувствия и тому обществу, в котором могло явиться такое дело, особенно когда знают, при каких неблагоприятных обстоятельствах развивалось это общество. А последователи антиисторического направления, во-первых, должны выставить в черном свете труд и характер совершителя труда, лишить Древнюю Русь одного из лучших ее людей; во-вторых, употребить тяжелую и крайне неловкую натяжку, утверждая, что труд не был признан обществом. Но одною этою натяжкою ограничиться уже стало нельзя, ибо у всякого читателя готово возражение: пусть Геннадий, вследствие личных своих недостатков, не хотел и не умел сделать дело как должно; но как же, однако, восхищаться состоянием общества, которое не имело полного списка священных книг?

Все же, значит, Геннадий совершил великое дело. Как же отвечать на это возражение? Иначе нельзя, как прибегнувши к самому отчаянному средству. Зачем иметь полный список св. книг? Стоит ли это труда? «Неужели, — говорит автор разбираемой статьи, — для Древней Руси может служить каким-нибудь упреком то, что не все св. книги были у ней собраны и записаны в один список? По свойству жизни ее, не чаявшей гибели, было ли даже нужно, необходимо или

естественно предпринимать такой труд, как бы пред смертью, ради одной только пользы потомков? И естественно ли целому народу заботиться о таком письменном завещании духовном, о каком вправе думать только отдельный человек, да и тот не всегда думает? Чтобы сокровищ моих не разбросали, должен ли я при жизни держать все их в куче?»

Верные своему взгляду, последователи антиисторического направления нынче должны развенчать одно знаменитое историческое лицо Древней Руси, завтра принуждены будут сделать это с другим и т. д. В XV веке Геннадий предпринял ненужный труд; в XVI — митрополит Макарий составил свои знаменитые Минеи, громадный сборник известных тогда книг религиозного содержания. Во-первых, зачем было предпринимать такой труд ради одной только пользы потомков? Древняя Русь в нем не нуждалась. Притом же в этом сборнике видим погрешности; труд с погрешностями не был достоин Древней Руси, это личное дело Макария, он один должен быть осужден за ошибки, которые произошли по его небрежности. Над Сильвестром уже произнесен приговор: в его «Домострое» находятся правила, которые не могут нам теперь нравиться: древнее русское общество не могло выставить таких требований, Сильвестр их выдумал от себя и потому должен быть один осужден.

Но Сильвестр и Макарий в глазах последователей антиисторического направления вовсе не так виноваты, как Геннадий, ибо этот новгородский архиепископ осмелился объявить, что в современном ему русском обществе господствовало сильное невежество, даже между людьми, долженствовавшими учить других, и требовал учреждения школ. Геннадий, таким образом, является в XV веке человеком новой России, человеком отрицательного направления. Да не подумают читатели, что это наша собственная догадка, наш собственный вывод; нет, последователи антиисторического направления, не обинуясь, высказали свое мнение насчет Геннадия. В Синодальной библиотеке хранится псалтирь, переведенная в конце XVII века переводчиком Посольского приказа Фирсовым. Фирсов возбудил страшное негодование последователей антиисторического направления, ибо этот выскочка, как они его величают, осмелился в приписке к своей книге сказать следующее: «Свидетельствована сия св. книга псалтирь со многих печатных древних книг, ради истинные

ведомости, в разуме, и уверения-неразумных и простых людей, понеже наш Российский народ грубый и неученый, не токмо простыя, но у духовного чина: истинные ведомости и разума во Св. Писании не ищут, и ученых людей поносят, и укоряют, геретиками их называют». Автор разбираемой статьи замечает: «Геннадий так же точно жаловался на необразованность своего времени. Видно, что во все времена люди отрицательного направления одинаковы».

Бедные ревнители просвещения в Древней Руси! Не избежали вы участи ревнителей просвещения России новой; не спасло вас то, что вы жили в XIV, XV, XVI веках: тем не менее вы люди нового времени, выскочки, люди отрицательного направления. Киприан, Курбский, архимандрит Дионисий и товарищи его, знаменитые мученики просвещения в XVII веке, — все это люди отрицательного направления, потому что жаловались на невежество современного им общества. Отрицательного направления будут и церковные соборы XVII века, которые в более резких выражениях, чем Геннадиевы, жалуются на необразованность своего времени! Уже не говорим о Матвееве, этом архивыскочке; о Нащокине, этом человеке отрицательнейшего направления. Арсений Глухой, товарищ Дионисия по исправлению книг, так писал: «Есть иные и таковы, которые на нас ересь возвели, кои едва и азбуке умеют, а то ведаю, что не знают, кои в азбуке писмена гласные и согласные и дwoегласные, а еже 8 частей слова разумети и к сим пристоящая, то им ниже на разум всхаживало». Жалоба на необразованность времени, отрицательное направление! А было от чего Арсению Глухому сделаться человеком отрицательного направления: кузнецы и другие ремесленники московские хотели побить исправителей книг, ибо люди положительного направления распустили между ними слух, что исправители книг хотят огонь из мира вывести. Какое же основание слуха? Исправители уничтожили в требнике лишние слова: «и огнем», в молитве при водоосвящении!

Таким образом, последователи антиисторического направления сами дошли до того необходимого вывода, что направление, которое они называют отрицательным и которое, по их мнению, господствует в новой русской истории, существовало также и в древней истории. Уж не начать ли нам новую русскую историю с XV века, со времен Геннадия? Но вот в XIV веке слышатся жалобы митрополита Киприана на невежество составителей толстых сборников; а там, из

глубокой древности, слышим жалобы на преданность язычеству, на суеверия, которыми заражен народ: это тоже жалобы на невежество; следовательно, тоже отрицательное направление. Где же мы, наконец, найдем покой от этого отрицательного направления? В половине IX века? Но и здесь, о ужас! Племена, призывающие князей, говорят: «В земле нашей наряда нет». Жалоба на дурное состояние современного общества значит опять отрицательное направление! Кому угодно избежать отрицательного направления, тот пусть занимается чем-нибудь другим, а не историей, ибо то, в чем он видит отрицательное направление, есть начало историческое, начало движения, начало развития, без которого истории нет.

Так и русская история начинается с тех пор, как племена сказали: «В нашей земле нет наряда: будем искать средств, чтоб установись его». Истории не было, когда дреговичи и радимичи, дулебы и вятичи жили при господстве блаженного положительного направления, не сознавая потребности выйти из своего состояния и не сознавая средств к этому выходу. Нас упрекнут в повторении вещей всем известных, если мы скажем, что назначение человека — жить в обществе; что только в обществе себе подобных, при постоянном и беспрепятственном размене мыслей и плодов своей деятельности, при разделении занятий, при взаимном вспомоществовании может он развивать свои способности, извлекать из них все возможное для себя и для других добро. Но что справедливо в отношении к одному человеку, то справедливо и в отношении к целому народу, который также может развиваться и совершенствовать свой быт, и в нравственном, и в материальном отношении, только в обществе других народов. Что мы замечаем в народе, который живет особняком? Необходимо застой; ибо только разнообразное, новое, противоположное оживляет мысль и деятельность человека, мысль и деятельность народа; однообразие форм, господствующее в народе, который живет особняком, необходимо усыпляет мысль и заставляет смотреть человека и целый народ на это постоянство форм, как на нечто необходимо вечное, носящее в самом себе условие самостоятельности и вечности, одним словом — как на нечто божественное. У народов языческих это ведет прямо к обоготворению форм и отношений, постоянно существующих, освященных этим постоянством, долговременностию; но и народы христианские, если

долго живут особняком, не освобождаются от суеверного поклонения формам, обряду, букве, чему ясным доказательством служит русское раскольниковство, естественный и необходимый плод особой жизни народа.

Против этого последователи антиисторического направления возражают: «Китай и Япония жили в полнейшем разобщении с остальным человечеством: но, сколько нам известно, никто до сих пор не оспаривал у них оригинальности развития. Правда, они стоят, может быть, ниже всех в семье человечества, но вовсе не по развитости или бесцветности своего развития, а по ложности духовных начал, из которых вытекла их неоспоримо богатая образованность. Возьмем другой пример в Европе. Из всех западных народов в сравнительно большем разобщении с другими развивалась Англия; со всех сторон обнесенная морем, она, по самому своему положению, вела более сосредоточенную в себе жизнь, чем Франция или Австрия; но помешало ли это оригинальности и самостоятельности ее развития? Вправе ли мы думать, что она менее внесла от себя и более заимствовала у других общечеловеческих истин, чем ее соседи на европейском материке?» ^[12]

Мы согласны, что Китай и Япония ниже всех в семье человечества по ложности духовных начал, из которых вытекла их образованность. Но какое средство для Китая и Японии стать на высшую степень в семье человечества, изменить ложные духовные начала своей образованности на истинные? Принятие христианства, вступление в семью христианских народов, отречение от своей замкнутости, исключительности! Все нехристианские народы имеют ложные духовные начала своей образованности; ложность этих начал именно и выражается в том, что народы эти должны жить особно, не могут признать народного братства, каждый кланяется своему богу, а в этом поклонении и лежит основа замкнутой, отталкивающей народности. Отсюда и проистекает эта основная форма жизни языческого мира — разобщенность и вражда, в силу которых народы существовали на счет друг друга, то есть сильнейший покорял себе слабейшие, образовывались громадные царства и падали, сменяя друг друга, — явление, которого не терпит новое европейское общество, основанное на совершенно ином начале, на христианстве. Христианство упразднило языческое распадение на варваров, еллинов,

скифов; оно не упразднило отдельных народностей, но подчинило их высшему началу, началу единства всех народов во Христе, едином Пастыре единого стада. Любопытно, что в древнем языческом мире высшей образованности, до какой только могло достигнуть языческое общество, достигла Греция, и почему? Потому что формы ее политической жизни представляют что-то похожее на формы политической жизни новой христианской Европы. Греция была разделена на множество отдельных государств, которые, при особности своего внутреннего управления, были соединены, однако, одним общим началом, сознанием своего еллиназма, учреждениями, которые поддерживали это сознание. Так благодетельно бывает это взаимодействие особности и общности! Как вредно, следовательно, выводить одно из этих начал из должной ему меры!

Что же касается до примера Англии, то, конечно, это обмолвка со стороны почтенного автора, приведшего этот пример, ибо известно, что Англия, несмотря на то что обнесена морем, постоянно принимала самое деятельное участие в общей жизни Европы: стоит только вспомнить, что изучение истории Англии невозможно без изучения истории Франции: так тесно связаны судьбы этих двух стран! Стоит только вспомнить участие Англии в крестовых походах; о новой истории, начиная с протестантизма, мы уже не говорим; наконец, заметим, что на почве Англии столкнулись две крепкие народности — саксонская и норманно-французская; из взаимодействия этих двух народностей и произошла крепкая народность английская. Если уже указывать в Европе государства, которые, особенно в новой истории, начали отличаться большею сосредоточенностью в себе самих, меньшим внутренним участием в общеевропейской жизни, так это государства Пиренейского полуострова, и следствия этого положения их очевидны.

Мы имеем возможность изучить характер древнего русского общества в большей или меньшей полноте в настоящее время на одном из сословий, именно — на сословии земледельческом, в общих чертах одинаковом везде. Однообразие, простота занятий, подчинение этих занятий природным условиям, над которыми трудно взять верх человеку, однообразие форм быта, разобщение с другими классами народа ведут в земледельческом сословии к господству форм, давностию освященных, к бессознательному подчинению обычаю,

преданию, обряду. Отсюда в этом сословии такая удержливость относительно старого, такое отвращение к нововведениям, осязательно полезным, такое бессилие смысла пред подавляющею силою привычки. В земледельческом сословии сохранились предания, обряды, идущие из глубочайшей древности: попробуйте попросить у земледельца объяснения смысла обряда, который он так суеверно соблюдает, — вы не получите другого ответа, кроме: «так водится»; но попробуйте нарушить обряд или часть его — вы взволнуете человека, целое общество, которые придут в отчаяние, будут ждать всех возможных бедствий от нарушения обряда. Но понятно, какую помощь оказывает это сословие государству, когда последнее призовет его на защиту того, что всем народом признано за необходимое и святое. Поэтому справедливо называют земледельческое сословие по преимуществу охранительным. Почтенные свойства этого сословия, как сословия, не могут быть оспариваемы: но что же, если целый народ живет в форме быта земледельческого сословия?

Необходимое в государстве противодействие этой форме представляет город, как центр торговли, мануфактурной промышленности, умственной деятельности. Здесь разнообразие занятий именно таких, где человек вполне владеет предметом и может совершенствовать его до бесконечности, где, следовательно, он имеет полную возможность упражнять, совершенствовать свои умственные способности; беспрестанное столкновение с людьми из различных сфер общественной деятельности, из различных стран расширяют горизонт, окрыляют мысль и ведут народ к успехам гражданственности. Это слово гражданственность всего лучше показывает нам значение города в народной жизни.

Итак, если человек для полноты своего человеческого развития должен жить в обществе себе подобных; если народ для полноты своего народного развития должен жить в обществе других народов — то вопрос решен о значении петровской эпохи, эпохи преобразования, вопрос решен об отношениях древней России к новой. Древнее русское общество, несмотря на величие подвигов, совершенных им в деле внешнего государственного созидания, в преодолении препятствий, этому созиданию противопоставленных, не могло двигаться далее на пути нравственных и материальных улучшений, не вступив в семью европейско-христианских народов, да и по характеру

своему не могло не вступить в эту семью при первой возможности. Следствия особой жизни так явны в нашей древней истории, что о них не нужно много распространяться; бессознательное, суеверное подчинение обычаю, обряду, форме, букве, ослабление веры в дух, который живет, слишком явны. Древняя Россия именно пребывала в формах быта земледельческого; в пей господствовало село, деревня; город не имел того значения, какое мы теперь с ним соединяем: это было укрепление для защиты от неприятельского нашествия, это был административный центр — и только; городские жители точно так же занимаются хлебопашеством, как сельчане и деревенщики; мануфактурная промышленность находится на самой низкой ступени развития.

Чтобы выйти из состояния застоя, оцепенения нравственного, чтобы понять себя и свое, для человека и для народа одно средство — сообщество с другими людьми, другими народами, и вот Россия в начале XVIII века вступает в это сообщество. Какие же должны быть следствия этого вступления? Мы видели, что в народе, живущем долгое время особняком, развитие мысли задерживается постоянным однообразием форм быта, начинает господствовать бессознательное подчинение преданию, обычаю, обряду. Необходимым следствием этого бессознательного подчинения старине бывает бессознательное же подчинение новому, когда подобный народ вдруг входит в сообщество с другими народами, более развитыми, более образованными. Вот почему так странен упрек, делаемый Петру Великому и вообще русским людям XVIII века за то, что они рабски подражали чужому, брали все без разбора, не обращая внимания на свое, на приложение чужого к своему: подобный разбор, подобная рассудительность, беспристрастная оценка своего и чужого могли бы быть только следствием развитого сознания; но как же оно могло быть развито прежде, при бессознательном подчинении принятому, освященному веками?

Это ясное различие своего и чужого, это разумное, глубокое обращение внимания на себя и на свое могло быть только плодом долговременной жизни народа в обществе других народов, могло быть только плодом долговременного упражнения мысли народной, плодом глубокого просвещения. Вследствие бессознательного подчинения своему, стариною освященному, человек, когда раз освобождался от

этого подчинения, являлся совершенно чистым, ибо прежняя связь его с своим и старым существовала без ведома его разума, коренилась только в одной половине его существа, без ведома другой. Русский человек XVIII века явился совершенно чистым, вполне готовым к восприятию нового — одним словом, явился ребенком, ребенком чрезвычайно способным, восприимчивым, но ребенком, для которого наступила пора учения, пора подражания — ибо что такое учение, как не подражание?

Юн был русский народ в начале XVIII века, юн во всю жизнь был и гениальный представитель этого народа — Петр Великий. Эта неутомимая деятельность, эта страстная восприимчивость, чуткость к всем явлениям, беспокойное обращение внимания на все, пытливость, торопливое желание все узнать, до всего дотронуться самому, все попробовать, все сработать самому! Разве это не ясные черты юности? Разве мы не видим в Петре гениального юношу, перед которым открылся вдруг новый мир явлений и который, побуждаемый благородною жадностью, хочет забрать все себе?

Даровитый восприимчивый ребенок начинает учиться; узнает много нового, чего другие не знают; первое необходимое следствие этого в ребенке — гордость, чувство своего превосходства над другими, желание высказывать это превосходство, хвастаться, щеголять новоприобретенным знанием. Новое, чужое, что им приобретено, имеет для него необыкновенную прелесть; старое, свое, всем известное, всем доступное — не имеет никакой. Ребенок необходимо педант, ибо не имеет силы овладеть новым предметом и овладеть самим собою при пользовании этим предметом и потому носится с ним, всем показывает и хвастает: отсюда страсть употреблять некстати научные положения и слова, страсть употреблять иностранные слова вместо своих, говорить без нужды на иностранном языке, подражать иностранным обычаям, даже и таким, которые ничем не лучше своих прежних. Все это мы видим у русских людей XVIII века, и все это было естественным, необходимым следствием состояния русского общества в допетровское время: чего Древняя Русь не завещала, того новая вдруг из ничего создать не могла; для создания нового, чего именно недоставало Древней Руси, потребны были века.

Существует странное мнение, что так называемый петровский переворот совершился насильственно в том смысле, что противники

его выставляли ему разумное сопротивление. Этого не было и быть не могло; известий об этом нет нигде. Человек, который не хотел переменить старого покроя своего платья и сбрить бороды, не рассуждал так: «Неразумно менять свое, приспособленное к климату, на чужое; не может произойти отсюда никакой пользы: одежда должна служить внешним выражением народности» и т. д. Он не хотел изменить покроя одежды и сбрить бороду в силу бессознательного подчинения ведущемуся из старины обычаю, нарушить который он считал грехом. Точно так же и приверженцы нового брили бороды и надевали немецкое платье, бессознательно увлекаясь стремлением к новому, бессознательно подчиняясь силе нового начала, под влияние которого вступал тогда народ русский. Приверженцы нового не рассуждали так: «Правда, что одежда должна служить внешним выражением народности; но у нас на первом плане вопрос: к семье каких народов должен принадлежать народ русский? Он должен принадлежать к семье народов европейско-христианских, а покрой одежды его есть азиатский: следовательно, должен быть изменен; и притом согласие всех европейских народов ознаменовать свое единство одним покроем платья есть такое прекрасное явление, что мы, русские, не имеем права не подражать им в этом».

Недоразумения, споры, искажения фактов происходят от непростительной для уважающего науку человека привычки навязывать настоящие наши воззрения предкам. Чтобы объяснить себе явления петровского времени, мы должны обратиться к современникам Петра. В этом отношении драгоценны известия и взгляды Посошкова, человека из народа, человека неприязненного к иностранцам и потому вполне беспристрастного. Подозрительность, неприязнь к иностранцам ясно видна из его слов: «Не помалу дивлюся и недоумеваюся, что сказываются Немцы люди мудры и правдивы, а учат все нас неправдою; они торгуют торгами и всякими промыслами промышляют компанствами единодушно, и во всяких делах они и свою братию хранят и возносят, а нас ни во что вменяют. Не компанствами ли они и войну чинят, будто нам помогают, а все блазнят нас, а самую истинною, чаю, ради тому, чтоб их одних рука высоко была, а наши всегда б в поношении были и всегда б их за господ себе имели».

Посмотрим же теперь, как этот русский человек петровского времени рассуждает о старине и преобразовании. «Паче вещественного богатства надлежит всем нам пещися о невещественном богатстве, то есть о истинной правде. В немецких землях вельми людей берегут, а наипаче купецких людей; и того ради у них купеческие люди и богаты зело. А наши судьи ни мало людей не берегут и тем небережением все царство в скудость приводят; ибо в коем царстве люди богаты, то и царство то богато. Что то у наших людей за разум, что ничего впрок государству не прочат, только прочат имения себе, и то на час, а государству так они прочат, что ни за что многие тысячи рублей теряют. Не точию у иноземцев, свойственных христианству, но и бусурманы суд чинят праведен, а у нас вера святая, благочестивая, на весь свет славная, а судная расправа никуда не годная, и какие указы ни состоятся, все ни во что обращаются, но всяк по своему обычаю делает. И донележе прямое правосудие у нас в России не устроится и всесовершенно не укоренится оно, то никакими мерами, от обид, богатым нам быть, яко и в прочих землях, невозможно, такожде и славы добрыя нам не нажить, понеже все пакости и непостоянство в нас чинится от неправого суда, и от нездорового рассуждения, и от нерассмотрительного правления, и от разбоев. И какия гибели ни чинятся, а все от неправды».

Какие же средства предлагает Посошков для искоренения главного, основного зла, которым страдало древнее русское общество и которое передавалось новому во всей полноте? Прежде всего Посошков предлагает средства, насильственные. Убеждение в пользе крутых насильственных мер должно было господствовать в Древней Руси и в первой половине XVIII века и было опять необходимым следствием неразвитости сознания, было следствием уважения ко внешнему, к веществу, непризнания могущества сил духовных в человеке и обществе. Убеждение в недействительности насильственных мер, в необходимости для прекращения пороков действовать на внутреннюю природу человека посредством просвещения, нравственно-религиозного воспитания, общественного мнения — такое убеждение есть плод сознания, плод просвещения и могло явиться только позднее. Такого убеждения мы не можем искать в петровское время, и потому Посошков говорит: «Аще ради установления правды правителей судебных и много падет, быть уже

так. А не таким страхом не чаюя того злого корения истребить: еще бо кое и земля вельми задернеет, и дондеже того терния огнем не выжгут, то не можно на ней пшеницы сняти: тако и в народе злую застарелость злом надлежит и истребляти».

Вторая мера, предлагаемая Посошковым, — это коренной переворот, совершенное разрушение старого здания и создание нового. Эта страсть к коренным переворотам, к полному отрицанию старого и созданию нового, есть также плод неразвитости сознания. Одна крайность — бессознательное подчинение старому — ведет необходимо к другой крайности — к бессознательному стремлению к новому. Вообще все крутые, коренные перевороты, в каком бы смысле ни происходили и откуда бы ни шли, сверху или снизу, суть следствие неразвитости сознания, детства народного, и способны к ним обыкновенно бывают те народы, которые, при видимой возмужалости, сохраняют в своем характере много детского. Ясный признак неразвитости сознания, детскости, представляет нам и то явление, когда постановления беспрерывно изменяются. Дети — безжалостный, истребительный народ: что ни дай им — все сломают; они любят и строить — карточные домики, беспрестанно разрушают их сами, чтобы вновь строить; а если ветер сдует, сердятся, кричат и плачут. Коренные, насильственные перевороты суть следствия отчаяния, нетерпеливости, а это также детские качества, следствия слабости. Вот почему Посошков, представитель петровского времени, рассуждает так: «Ради совершенныя правды никоими делы, древних уставов не изменя, самого правосудия насадить и утвердить невозможно. Видим мы все, как великий наш монарх о сем трудит себя, да ничего не успеет, потому что пособников по его желанию немного; он на гору аще и сам-десять тянет, а под гору миллионы тянут; то как дело его споро будет? И аще кого он и жестоко накажет, ажио на то место готовы (замечательное противоречие вышесказанному!). И того ради, не изменя древних порядков, сколько ни бившись, покинуть будет. Не токмо суда весьма застарелого, не рассыпав его и поподробну не рассматривая, не исправить, но и хоромины ветхия не рассыпав всея и не рассматривая всякого бревна, всея гнилости из нее не очистити».

По-видимому, справедливо рассуждает Посошков; но когда дошло дело до того, как, разрушивши старую храмину и очистив каждое бревно от гнилости, создать новую, то и обнаружилось, с каким

обществом имеем мы дело. Когда человек почувствует несостоятельность старого, своего и с неразвитым сознанием переходит к новому, чужому, то как он обыкновенно поступает? Своего самостоятельно образовавшегося убеждения он не имеет, ибо к старому у него были бессознательные отношения, разнообразие новых явлений поражает его одиночно, без внутренней связи между ними — и он становится эклектиком, выбирает то, что кажется ему получше, и, набравши таким образом отовсюду всякой всячины, думает, что поступил как нельзя лучше.

Как советует Посошок поступать при составлении нового Уложения? «Правосудного ради уставу, надлежит древнего суда уложения и новоустановленные гражданские и военные, печатные и письменные, новосостоявшиеся и древние указные статьи собрать, и по приказам из прежних, вершенных дел, выписать такие приговоры, на которые дела ни в уложениях, ни в новоуказных статьях решения не положено. И, к таковым вершениям применяясь, надлежит учинить пункты новые, дабы впредь такие дела не наизусть вершить. И к тем русским рассуждениям, прежним и нынешним, приложить из немецких судебныхников, и кои статьи из иноземных уставов будут к нашему правлению пригодны, то те статьи взять и присовокупить к нашему судебнику. И лучшего ради исправления надлежит и турецкий судебник перевести на славянский язык и прочие их судебные и с гражданского устава порядки управительные переписать, и кои сличны нам, то бы тые и от них принять; слышно бо о них, яко всякому правлению расположено у них ясно и праведно паче немецкого правления. И того ради и дела у них скоро и право решат, и бумаги, по нашему, много не тратят, а и хлеба напрасно не теряют, а наипаче купечество праведно хранят».

Узнавши такое мнение русского человека петровской эпохи, нам нисколько не удивительно уже будет встретить в 1715 году резолюцию на доклад генерала Вейде: достать иностранных ученых и в правостях искусных людей для отправления дел в коллегиях. Эти иностранные ученые отправляли свою должность посредством толмачей. Последнее обстоятельство казалось крайне затруднительным, и потому дан был наказ резиденту при Австрийском дворе Веселовскому достать из чехов и моравов шрейберов. В 1716 году уже придумано было новое, лучшее средство: послать в Кенигсберг человек сорок молодых

подьячих учиться, чтобы после быть в коллегиях, но дожидаться этих подьячих было долго, а потому в 1717 году предложено шведским пленным вступить в гражданскую службу при коллегиях. В 1718 году видим указ: об устройстве судебных мест по примеру шведских, о переводе шведского уложения и об учинении свода российских законов со шведскими; об определении в губерниях должностных лиц согласно с шведским земским управлением.

Как в первой половине XVIII века слабо развито было сознание о необходимости знать свое и как потом благодаря большему и большему просвещению это сознание укоренилось, видно всего лучше из истории изучения своего прошедшего и настоящего. Когда в царствование Анны Иоанновны учрежден был кадетский корпус, не имевший вначале значения специального военного училища, то в нем преподавалась универсальная история и история немецкого государства. При учреждении Московского университета в философском факультете назначен был профессор истории для показания истории универсальной и российской. Наконец, потребность знать свое во всей силе высказывается в инструкции, данной Екатериной II князю Салтыкову при назначении его к воспитанию великих князей: «Пока дети учатся языкам, начать географию общую и частную Российской империи. Русское письмо и язык надлежит стараться, чтоб знали как возможно лучше. Предписывается от одиннадцати лет до пятнадцати употреблять по несколько часов в день для опознания России во всех ее частях. Сие знание столь важно для их высочеств и для самой империи, что опознание оной главнейшую часть знания детей занимать должно; прочие знания, лишь применяясь к оной, представлять надлежит. Историю российскую им знать нужно, и для них сочиняется». Мы не можем в настоящей статье рассмотреть все явления второй половины XVIII века, в которых ясно видно различие этой половины века от предшествующей, ясно видны признаки возмужалости народа, развития сознания, обращения от внешнего к внутреннему, обращения внимания на самих себя, на свое. Надеемся поговорить об этом подробнее в особой статье.

Итак, если мы, не впадая в мистицизм, сохраняя власть над предметом познаваемым, а не позволяя ему владеть нами, будем внимательно следить за ходом явлений нашей истории, то связь между

так называемой древнею и так называемою новою Россией будет ясна; ясен будет и характер деятельности великого исторического лица, которое стоит на грани между древнею и новою Россией. Историк не может настраивать своего повествования о делах Петра Великого на тон хвалебных песнопений в стихах и прозе, крекшинских и ломоносовских, не может восклицать, что Петр внес свет в Россию, что Петр привел русских людей от небытия в бытие и т. п. Историк очень хорошо знает, что век Петра был веком не света, а рассвета; с рассветом начинается движение, пробуждение, но рассвет, полумрак, мерцание условливает также хождение ощупью, спотыкание, захождение не туда, куда надобно, вследствие неясного различения предметов. Величие Петра состоит в том, что он начал великое дело народного просвещения, с юношескою силой и самоотвержением отдал этому делу всего себя и в силу своей гениальности в короткое время сделал изумительно много, разумеется, во внешнем, материальном отношении преимущественно, ибо его призвание было начинать, а человек всегда и во всем начинает со внешнего. Христианские народы не могут делать из своих героев богов и полубогов: религия и наука заодно тому противятся. Вот почему наука не может принять ни того мнения, по которому деятельности Петра приписываются сверхъестественные, нечеловеческие размеры, ни того, по которому Петру приписывается также сверхъестественное, нечеловеческое дело, будто он, одною своею волей, совратил народ с настоящего пути. Как безусловные поклонники Петра, так и его противники грешат одинаково, ибо одинаково делают человека богом; и у тех, и у других взгляд на деятельность Петра ненаучный, антиисторический. Исторический народ, каков русский, не допускает деятелей, подобных гуннским, татарским, Аттилам, Чингисханам, Тамерланам, которые силою своей воли увлекают народные массы, передвигают их с одного места на другое; повинувшись увлекающей силе, народы эти движутся стремительно, но потом останавливаются, возвращаются к прежнему образу жизни, когда вождей нет более.

У народов исторических великий деятель есть полный представитель своего народа в известную эпоху, исполнитель потребностей, чувствуемых народом в известное время, вождь, за которым народ идет свободно и продолжает начатое дело, когда вождя уже нет более. Таков был именно Петр Великий, полный

представитель своего народа, сын своего века, передовой человек в том стремлении, которое являлось как необходимое. Любопытно, что люди, которые так часто говорят о любви к русскому, к русской истории, позволяют себе унижать русский народ, низводить его на степень неисторического народа, предполагая, что один человек мог увлечь его на неправый путь. Если нам скажут, что масса низшего народонаселения не последовала за Петром, осталась при старом, то мы ответим, что движение, сообщенное Петром, не было движением вроде сообщенного Чингисханом своему народу: физически двигаться целый народ может за своим вождем, но нравственно не может; это нравственное движение совершается в продолжение веков. Вспомним, как принималось христианство: когда в Новгороде явился волхв, то масса простого народа бросилась к нему; подле епископа остался только князь с дружиной. Дело известное, что восходящее солнце освещает сначала только верхи гор.

Но не все последователи антиисторического направления указывают падение самобытной русской образованности в конце XVII и начале XVIII века, в эпоху Петра Великого; некоторые начинают гораздо раньше: «Древнерусская православно-христианская образованность, лежавшая в основании всего общественного и частного быта России, заложившая особенный склад русского ума, стремящегося ко внутренней цельности мышления, и создавшая особенный характер коренных русских нравов, проникнутых постоянною памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному, — эта образованность, которой следы до сих пор еще сохраняются в народе, была остановлена в своем развитии, прежде чем могла принести прочный плод в жизни или даже обнаружить свое процветание в разуме».

Признавши, что дерево самобытной древнерусской образованности не только бесплодно, но и бесцветно, автор задает себе вопрос: «Чья вина была в том, что древнерусская образованность не могла развиваться и господствовать над образованностью Запада?» — и отвечает: «Нельзя не предположить, что хотя сильные внешние причины, очевидно, противились развитию самобытной русской образованности, однако же упадок ее совершился, и не без внутренней вины русского человека. Стремление к внешней формальности, которое мы замечаем в русских раскольниках, дает повод думать, что в

первоначальном направлении русской образованности произошло некоторое ослабление еще гораздо прежде петровского переворота; когда же мы вспомним, что в конце XV и в начале XVI века были сильные партии между представителями тогдашней образованности России, которые начали смешивать христианское с византийским и по византийской форме хотели определить общественную жизнь России, еще искавшую тогда своего равновесия, — то мы поймем, что в это самое время, и, может быть, в этом самом стремлении, и начинался упадок русской образованности. Ибо действительно как скоро византийские законы стали вмешиваться в дело русской общественной жизни и для грядущего России начали брать образцы из прошедшего порядка Восточно-Римской империи, — то в этом движении ума уже была решена судьба русской коренной образованности. Подчинив развитие общества чужой форме, русский человек тем самым лишил себя возможности живого и правильного возрастания в самобытном просвещении и хотя сохранил святую истину в чистом и неискаженном виде, но стеснил свободное в ней развитие ума и тем подвергся сначала невежеству, потом, вследствие невежества, подчинился непреодолимому влиянию чужой образованности»^[13].

Итак, древнерусская образованность, создавшая особенный характер коренных русских нравов, проникнутых постоянно памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному, могла допустить внутреннюю порчу русского человека, могла позволить ему принять какую-то чуждую форму, которая испортила все дело! На такой превосходной почве, каковы древние коренные русские нравы, могло вырасти что же — забвение одной из необходимых основ общественной добродетели: уважение к святине правды! «Если есть какое зло в России, — говорит автор разбираемой статьи, — если есть какое-нибудь неустройство в ее общественных отношениях, если есть, вообще, причины страдать русскому человеку: то все они первым корнем своим имеют неуважение к святости правды».

Автор решился объявить, что это неуважение к святости правды явилось в последние 150 лет вследствие господства чуждой образованности. А громкие голоса против неправды, дошедшие до нас из Древней Руси, когда не было чуждой образованности, голоса, сохранившиеся во множестве памятников? Уж не отнести ли лучше

начало неуважения к правде к концу XV и началу XVI века и приписать втеснению чуждой формы? Мы порицаем раскольников за уважение к форме; а сами приписываем ей какое могущество? Народ живет в высоком, блаженном состоянии, нравы его проникнуты постоянною памятью об отношении всего временного к вечному, человеческого к божественному — и вот является какая-то чуждая форма, незваная, непрошенная, — и все портит! Наместник, волостель не уважает правды — здесь влияние одной формы, положим, византийской; а в Новгороде целый конец можно было поднять посулом: здесь влияние какой формы? Тоже византийской? Да и что это за чуждые византийские формы, когда мы знаем, что формы, господствовавшие в конце XV и начале XVI века, были произведением внутренних условий русской общественной и государственной жизни?

Бедная, бедная русская история! Последние полтора ста лет должны быть из нее вычеркнуты: здесь порча вследствие господства чуждой образованности. Но, по крайней мере, древняя допетровская история остается у нас? Нет, из нее должны быть исключены два века, XVI, XVII, самые блестящие, самые любопытные, самые жиздительные века! Ибо здесь также порча от византийской формы. Да кроме того, из древней русской истории надобно исключить все те знаменитые лица, которые жаловались на недостатки современного им общества за недостаток образованности, ибо это все вольнодумцы, выскочки, люди отрицательного направления! И такое разрушение русской истории производится во имя любви к ней! После этого истинные любители русской истории не имеют ли права сказать: «Читая сочинения последователей антиисторического направления, невольно думаешь: что за несчастная судьба толкнула их и толкает постоянно на предмет, которого терпеть они не могут?»

Любопытнее всего то, что последователи антиисторического, отрицательного направления обвиняют других — в чем же? В отрицательном направлении! Вышла книга об областных учреждениях в XVII веке, автор которой указывает на недостаточность этих учреждений и тем самым указывает на необходимость нового порядка, который и явился в веке-последующем. И вот со стороны последователей антиисторического направления поднялись крики: отрицательное направление! Автор означенной книги говорит, что суд в Древней Руси рассматривался с точки зрения частного права, что

судья кормился от суда. Ему возражают: «Известно всем, что никакое общество не может существовать без суда — конечно, не в смысле кормления; что суд составляет существенную потребность всякого общества — конечно, не ради поборов, с ним сопряженных; так в чем же заключалось понятие народа о том, что есть суд сам по себе и чем должен быть судья для подсудимых, в чем выражалось это понятие и как оно относилось к официальному воззрению служилого сословия? Эти вопросы не со стороны примыкают к главному тезису; они в нем содержатся, и, взявшись определить характер целого общественного устройства по характеру судебных учреждений, нельзя было миновать их разрешения. Если не нашлось для этого никаких данных в юридических актах, в чем позволительно усомниться, то вольно ж было ими ограничиваться. Здесь, вероятно, пригодилась бы к делу справка с проповедями и посланиями, посредством которых Церковь проводила в гражданское общество идеальные понятия, прививавшиеся ко всем сословиям; может быть, и повествования летописцев, особенно те, на которых лежит отпечаток народных преданий, дали бы указание для воспроизведения понятий Древней Руси о правде и о суде»^[14].

Можно ли позволить себе при важных возражениях употреблять слова: вероятно, может быть? Далее: есть ли какой-нибудь народ на свете, который бы понимал суд иначе как суд правый? Народ требует суда правого, а до того, кто его судит, ему дела нет. Творится суд правый — народ молчит; незаконствует судья, грабит подсудимых — раздаются жалобы. Эти громкие жалобы, дошедшие до нас из Древней Руси, свидетельствуют о неправом суде и в то же самое время свидетельствуют, что жалующиеся, подсудимые, и верховная власть, подтверждающая законность жалоб, также Церковь, напоминающая о суде правом, имеют иное понятие о суде, чем судьи. Этот разлад между идеальными понятиями и действительностью и служит нам меркою для оценки общественного состояния и заставляет нас произнести приговор, что это состояние было неудовлетворительно, требовало выхода из него и если общество ищет этого выхода, то оно вполне оправданно возбуждает в нас полное сочувствие. Но жалоба — какого рода она? Если мне попадается под руку юридический акт или множество актов такого содержания: Кузьма прибил Ивана безвинно, а судья, взявши посул с Кузьмы, обвинил Ивана же, — то эти акты не

имеют для меня, как для историка, никакого значения, не могу я на их основании произнести приговора относительно нравственного состояния общества; не могу сказать, что в известное время судьи беззаконствовали, ибо это отдельные случаи.

Но если в акте земского собора целое сословие говорит: «Мы разорены не войною, а московскою волокитою», то я не имею никакого права отвергнуть это свидетельство, как голос всей Земли. Заподозривают юридические акты, указывают на летописи. Мы не станем говорить, что в летописях, вероятно, может быть, ничего не найдем; в летописях мы найдем кой-что: Годунов, говорит летописец, старался искоренить взяточничество, но никак не мог. При описании известного видения в Успенском соборе читаем страшные слова: «Неправеден суд творят и правым насилуют и грабят чуждые имения, несть истины во всем народе»; уже не говорю о жалобах псковского летописца. Это для XVII века; а если обратимся к глубокой старине, к тому блаженному времени, когда русские нравы были проникнуты постоянною памятью об отношении всего временного к вечному и человеческого к божественному, — то найдем, что у народа слово тиун было синонимом беззаконника.

Историк у встречается явление, о котором современники выражаются, положим, так: «Мерзость запустения на месте святе». * Историк, пораженный таким явлением, начинает разыскивать причины, по которым оно произошло, а ему кричат: «Как не стыдно? Какое одностороннее, отрицательное направление! Толкует об одной мерзости запустения, а святого места не видит, у народа была не одна мерзость запустения, было и святое место». Разумеется, историку отвечать легко на эти крики: «Если бы мерзость запустения была на приличном ей месте, а не на святом, то я бы о ней и не говорил».

Положительная сторона в трудах по русской истории обозначилась ясно; последователи исторического направления с глубоким вниманием и сочувствием следят за строением великого здания; замечают, как участвует в этой постройке каждый век, каждое поколение, что прибавляет к зданию прочного, остающегося; участие к строителям, к передовым людям в деле созидания усиливается при виде тех страшных препятствий, с которыми они должны были бороться; с особенным сочувствием прислушиваются к жалобе на недостаток света. И вот наконец является свет, сначала слабый, потом

постепенно распространяется; но чем более распространяется он, тем более чувствуется в нем нужда; требуется, чтобы все здание было освещено; чтобы все работники видели друг друга и тем согласнее могли действовать; чтобы не было темных углов, куда бы могли укрыться и лень, и зло; отовсюду слышится громкий утешительный вопль: «Света! Больше света!»

А тут слышатся другие голоса: «Что ваше здание? Началось оно строиться хорошо, материал был свой, крепкий; но ничего не вышло, ни цвета, ни плода; с конца XV века уже начало подгнивать; выскочки, люди отрицательного направления стали кричать, что света нет, взяли свет чужой, и стало еще темнее прежнего».

Антиисторическое, отрицательное направление высказалось, кажется, вполне. Кажется, между последователями его уже начинает пробуждаться сознание его несостоятельности; по крайней мере один из их поэтов недавно сказал:

...Как плащем, рядясь борьбою
Пустой, не давшей плода,
Стою пред жизнью живою
Без животворного труда.
Порыв, упрек, негодованья,
Как мне наскучил наш причет!
Увы! путь мертвый отрицанья
Плодов живых не принесет!

Пользуемся этими прекрасными стихами, чтобы закончить статью словом сочувствия: Бог помочи на новой дороге!

1857

notes

Примечания

См. о жизни Шлёцера. «Русский вестник», 1856 г. Т. II, № 8, стр. 489–533 / Настоящее издание, с. 277–313.

Нестор, III, 24: «Siehe da, die Wiege Deines alten grossen festen Reichs, Russischer Alexander! Es hat, wie alles Grosse in der Natur, klein angefangen» («Взгляни же: тут колыбель твоего древнего, великого и прочного царства, Российский Александр! Как все великое в природе, оно началось с малого». — Примеч. ред.) // Нестор. Russische Annalen in ihrer Slavischen Grunds-prache... Th. I–V. Gottingen: Dieterch. 1802–1809.

3

Нестор, III, 33, 37, 40.

4

Нестор, III, 5, 6.

Там же, 26, 27. «Das grosste Drittel unsers Erdtheils, der unwirtbare Nordostliche Norden diesseit der Ostsee bis zum Eismeer und Ural, dessen Dasein kein Grieche und Runner erfahren hatte, wohin noch kein Deutscher gedrungen war weil die Entfernung zu gross war. Siehe da bildete sich vor 1000 Jahren, durch Amalgamirung mehrer ganz verschiednen Horden, ein Volk, Russen genannt, das mit der Zeit Menschheit in Gegenden bringen sollte, die von dem Vater der Menschheit bis dahin vergessen zu sein schienen. Ein Zusammenfluss, eine Verkettung von Zufalligkeiten, leitete diese hohe Zwecke auf eine auffallende Weise. Menschen waren hier, vielleicht schon seit Jahrtausenden, aber nur wenige, sie wohnten auf einer ungeheuren Strecke Landes zerstreut, ohne Verbindung unter sich, die Verschiedenheit der Sprache und Sitten erschwerte: und Menschheit ist doch nur das Werk de la population rassemblee, u. s. w.» («Целая треть нашей части света, негостеприимный Северо-Восток ее северного конца, простершийся от Балтийского моря до Ледовитого океана и Урала, о чьем существовании не было известно ни одному греку или римлянину и куда еще не проникал ни один немец, ибо слишком велика отдаленность! И вот, тысячу лет назад из слияния самых разных кочующих племен здесь образовался народ, названный русским, который должен был со временем заселить людьми те области, которые до тех пор казались позабытыми даже Отцом людей. Некое стечение и сцепление обстоятельств замечательным образом вело к этим людям. Люди обитали здесь уже, пожалуй, не одно тысячелетие, но их было совсем мало, они обитали на пространстве земли колоссальной протяженности, не имея между собой никакой связи, ибо ей мешало различие языков и нравов, а ведь человечество — это именно создание de la population rassemblee [собранного вместе населения] и т. д.» — Примеч. ред.).

6

Нестор, II, 282.

7

Нестор, III, 21, 22.

Русск. Беседа. 1856. Љ IV. Критика. С. 1 и сл.

С. г. г. и д. III, Лб 156 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 3. М., 1822 Лб 156.

Там же, Ъ 159.

Русск. Бес. 1856. II. Критика. С. 45.

Русск. Бесед. 1856. Ы 2. Смесъ. С. 103.

Русская беседа. 1857. Ъ 1. Науки. С. 2 и след.

Русская беседа. 1857. I. Критика. С. 105.